

цы информации воедино и дать современникам возможность представить картину в целом.

Голошубин И.С. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914.

² Скальский К.Ф. Омская епархия. Опыт географического и историко-стилистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. – Омск, 1900.

³ Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома омского прииртышья. – Омск, 2003.

⁴ ГАОО. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1.

⁵ Н.И. Лебедева Храмы и молитвенные дома омского прииртышья. – Омск, 2003. с. 47

⁶ ГАОО. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 11 об.

⁷ Экспедиционные материалы СКЦ

⁸ Ишим далекий – близкий. Храмы земли ишимской. Ишим. 1997. С. 135

Мальгавко Т. А.
г. Тара

НАШ ЗЕМЛЯК, ПОЭТ ЛЕОНИД ЧАШЕЧНИКОВ

Леонид Николаевич Чашечников родился 9 марта 1933 года в деревне Воскресенка Седельниковского района Омской области. Деревенька была удивительно красивой – на пригорочке, с единственной длинной улицей, по обе стороны улицы – избы, за ними – поля, а дальше – густой лес. На въезде в деревню – речка, где рано на зорьке ловились окуньки. Позже поэт скажет о ней: «Таких – сто тысяч за Уралом. / Но для меня в деревне той / Россия, как в росинке малой, / С ее суровой добротой.

Леонид был первенцем в семье председателя Кустакского сельского совета, кандидата в члены ВКП (б) Николая Тимофеевича Чашечникова¹ и рабочей Марии Петровны (в девичестве Смолиной). В 1938 году у супружеской четы родилась дочь Тамара. Память о детстве особенно ярка в летописи его жизненных впечатлений – память о всенародной беде (ему было восемь лет, когда началась война). И хотя она была где-то там, далеко, но так или иначе напоминала о себе сиротским или вдовьим плачем, скудной едой и мечтой досыта поесть хлеба. Не случайно родились эти выстраданные строки: «Я к счастью отношусь как в детстве к хлебу – / Не ел я в детстве хлеба досыта тогда». Запомнил, как у соседки вдовы за недоимки угнали со двора последнюю корову, как деревенский сторож, дед Василий, насыпал зерна в пимы на току, и старика за это посадили, из тюрьмы он так и не вернулся; как в 1943 году в их хозяйстве была одна коза, «Все молочишко для забела крапивных шей», – говаривала бабушка, но козу съел волк среди бела дня; как из сорока деревенских мужиков, ушедших на войну, вернулось лишь семеро, а один – без ноги. Но детство – что ни го-

вори! — было не только голодным, а и чудесным, потому что была ласковая, набожная бабушка. Был дедушка — лесник седой и властный, любил тайгу и глухариную охоту, водил 13-летнего Ленку на Васюганские болота и мечтал из внука вырастить лесника, но тот, выбирая дорогу в жизнь, взял в наследство лишь любовь к суровому лесному краю. Позже поэт скажет: «Я видел много: степь в цвету / Ущелья, кружева прибоя, / Но всю земную красоту / Я сравнивал, Сибирь, с тобою».

Взрослели в то время рано и уже 14-15-летние подростки пускались в автономное плавание. В 1948 году Леонид Чашечников едет в Тару. Как известно, по окончании войны в стране вышел указ об открытии во многих городах Советского Союза учебных заведений, направленных на подготовку специалистов культпросветработы. В 1947 году в Таре открылась Омская областная культпросветшкола, ныне Областной колледж культуры и искусства, где имеется музей поэта. Леонид Чашечников, имея за плечами семь классов Кукарской сельской школы, для учебы выбрал «новоиспеченное» заведение. Благо то, что принимали туда без специальной подготовки, обучали, что называется, «с нуля» танцам, музыке, хоровому пению, плакатному делу, клубоведению. По окончании в 1952 году культпросветшколы ему была присвоена квалификация: организатор — методист клубной работы, он был направлен художественным руководителем в Знаменский районный Дом культуры. Пологрудово, Васисс, Имшегал, Екатерининское — все это Тарское Прииртышье, где множество верст было пройдено с концертными агитбригадами. М. А. Белозеров² вспоминал о том, что Леонид имел при себе старенький, но удивительно напевный баян. От него он впервые услышал про Есенина, которого в ту пору не только не печатали, но даже не упоминали его имени в школьных учебниках. Леонид много стихов Есенина знал наизусть, читал их с выражением, потом брал в руки баян, прикрытый от пыли тряпичей, и запевал под собственный аккомпанемент «Письмо к матери». М. Сильванович,³ друг Чашечникова с молодости и до последних дней жизни поэта, свидетельствует о том, что Чашечников был прекрасным чтецом. Однажды на концерте в сельском клубе он уговорил выпустить его на сцену и прочитал монолог Григория Незнамова из пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». Зал замер на вдохе, а потом долго не отпускал его со сцены. Недолгое время работал в Колосовском, Знаменском и родном ему Седельниковском районах в должности художественного руководителя и зав. клубом.

На стезю журналиста Чашечников встал с благословения редактора газеты «Ленинский путь» Д. Д. Беляева, которого почитал как крестного литературного отца. В «районке» Чашечников работал в 1956-1957 годах в отделе писем. Вместе с Сильвановичем, сотрудником сельхозотдела, мотались по району и гнали строчки в прожорливую газету. Архивные подшивки «Ленинского пути» хранят корреспонденции про посевную, про сенокос, про надои, про уборку урожая, рифмованные заголовки, стихи на злобу дня, эпиграммы, вышедшие из под его пера. По выходным Леонид ездил в Екатериновку к матери и сестре, отец к тому времени уже с ними не

жил, сменив место жительства на Астрахань. В Таре Чашечников снимал квартиру. «Недавно я в Сибири побывал, / Со стариками выпили по чарке. / Нашел тот дом и наш полуподвал. / Ты помнишь, на Подгорной у Аркарки».

Поэтическая стезя так же берет свое начало в тарской газете. Однажды в литературном кружке при газете он прочел «хулиганское» стихотворение «Разговор со стаканом». Искушенные в жизни «старики» смеялись над строчками: «Пьяный как свинья, смеюсь до коликов. / А над кем смеюсь — спросить бы вас? / Над собой смеюсь»... Было забавно, но не походило на правду, это была юношеская бравада. Вскоре бывший заведующий клубом предложил на обсуждение членов литературного кружка поэму «Сашка Сибиряк». И о нем заговорили, как о знаменитости районного масштаба, хотя справедливости ради следует заметить, что поэма была подражательной, «под Твардовского», и разругали ее в пух и прах. Вероятно, такая дружеская строгость отучила поэта от версификаторства и вторичности на всю жизнь. Своим учителем в поэзии Чашечников считал Якова Степановича Горчакова. «Он был из тех, кто вытолкнул на свет / Меня под рампой многолюдных залов. / Он был — поэт! Но жаль, что как поэт, / На всю Россию — громко не сказал он». Тара для Чашечникова — это заря долгой жизни, это тропинка, которая вывела его на дорогу жизни и поэзии.

Затем был Омск, где Леонид Чашечников работал слесарем — наладчиком в цехе оборонного завода им. Баранова и в многотиражной газете «Сельский строитель». Омичам подарил замечательные строки «Я люблю этот город, мой город зеленый у могучей реки Иртыша». В то время (60-е годы минувшего века) Омск называли городом — садом. Популярности стихотворению прибавила и музыка известного композитора Бориса Яркова. Песня была столь хороша, что стала впоследствии своеобразным гимном города.

60-е годы — время хрущевской оттепели. Романтика дальних дорог звала к перемене мест, в большие города. «Живали хорошо и плохо — / Тому, кто нынче скор на суд, / Скажу: звала тогда эпоха / Нас в города — и в этом суть». Леонид Николаевич не любил рассказывать о себе, однако, вся его биография — в его стихах: «Елки — палки! — то лес, то валежник, / То пила, то топор, то кайло, / То в прокопьевской шахте крепезник — / Оглянулся — полжизни ушло». В середине 60-х годов судьба занесла его в Прикаспийское Пониловье. Было время, когда он работал журналистом и принимал участие в становлении Володарской районной газеты «Заря Каспия», будучи литературным сотрудником, затем ответственным секретарем. Недолгим был Володарский период жизни Леонида Чашечникова, но оставил глубокий след в творчестве поэта, входившего в астраханскую поэтическую элиту. Как профессиональный поэт расправил крылья в Астрахани. И сегодня известные астраханские поэты — представители следующего поколения — считают себя его учениками. В 2002 году учреждена литературная премия его имени. «Ты, Астрахань, в судьбе моей почти

эпоха, / Которой не избыть, как прядь седых волос». 10 лет прожив в Астрахани — городе корабелов и рыболовов, строителей и капитанов — он не забывал провинциальную Тару. Приезжал, посылал письма друзьям и стихи в районную газету, но не ради гонорара, а чтобы не прерывалась связь времен между поколениями, чтобы знали, что выходцы из Тары «не лыком шиты, не ветром подбиты». В Астрахани ему удалось получить квартиру, которую с трудом обменял на Подмоскowie — на деревню Семенково. Впоследствии он бесплатно получил от Союза писателей двухкомнатную кооперативную квартиру в Балашихе. Безденежье последних лет вынудило его продать эту уже приватизированную квартиру, а на жительство переехать обратно в Семенково.

Уже на пятом десятке Чашечников окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Вместе с известным омским поэтом Владимиром Балачаном он шел к вершинам мастерства под доглядом именитого советского лирика Сергея Луконина. Активно сотрудничал с центральными газетами: «Советская Россия» и «Сельская жизнь», в его визитке значилось: Член Союза писателей. Публицист. По мнению М. Сильвановича: «Не кончая академий, Чашечников был образованнейшим человеком своего времени. Сделал себя сам. В вопросах истории России был энциклопедистом». Он автор десяти поэтических книг. Русский поэт и критик Владимир Туркин⁴ писал о его сборнике «Краски осени»: «Его стихи надо читать и перечитывать вдумчиво, несуетно, и вы найдете множество строк и стихотворений, которые поэт адресовал именно вам! Такова магия слов истинного таланта, поэта, как говорится от Бога».

Леонид Чашечников — поэт своего видения, своего отношения к жизни. Он «болел» проблемами земли, народа, русской деревни, русского языка. Его последняя книга «Русская голгофа» самая солидная: 250 стихов и 2 поэмы. В дни празднования 400 — летия Тары Леонид Николаевич читал со сцены потрясающие стихи о «смутном времени», царившем в России.

Воцарилась у власти безродная шайка,
Промотала до нитки твои сундуки
И пустила по миру бродить попрошайкой,
И хохочет, и мстительно скалит клыки.

Но возмездье придет: ты воспрянешь, я знаю.
Супостатов твоих ждут бесчестье и тлен.
Мне бы только увидеть, Россия родная,
Как ты голову вскинешь и встанешь с колен.

Не увидел. Умер поэт 19 декабря 1999 года в Подмосковой деревне Семенково, недалеко от Троице — Сергиевой лавры, в палате участковой больницы от третьего инфаркта во время сна.

Тарчане могут гордиться замечательным земляком, поэтом эмоциональной силы, который сказал громко, на всю Россию. Пока жива его сестра Тамара Грачева в Астрахани, дочь в Красноярске, сын и двоюродная сестра Хижняк Октябрина Казимировна в Омске, его друзья и коллеги, нужно собрать его поэтическое и биографическое наследие. Прошло 10 лет, как его не стало. Пора подумать о создании музея поэта, о присвоении его имени одной из улиц города и о создании памятника поэту, где будет собираться новое племя тарских поэтов и читать стихи...

¹ ТФ ГАОО Ф. 88 Оп. 2. Д. 64. Л. 11

² Белозеров, М.А. Я не забуду той встречи / М.А. Белозеров // «Я — не плачу! Я — люблю!».- Омск, 2001.- С. 43.

³ Сильванович, М. Певец русской печали / М. Сильванович // Тарское Прииртышье.- 2000.- 24 марта.- Продолж. Начало: 23 февр.

⁴ Туркин, В. Поэт талантливый, истинный / В. Туркин // Русская голгофа / Л. Чашечников.- Сергиев Посад, 1999.- С.

Мордкович Т.П.
г. Омск

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Первая половина XX в. стала суровым испытанием для соотечественников. На долю наших дедов выпали не только революции, мировые и гражданские войны, но и социально-экономические эксперименты советской эпохи, сопровождавшиеся массовыми политическими репрессиями, уничтожением крестьянства. Как известно, реабилитация жертв незаконных репрессий началась с 1953 года и особенно активизировалась после XX съезда КПСС (1956 г.), осудившего культ личности И.В. Сталина и его последствия. В то время с тысяч людей сняли ложные обвинения, и они были реабилитированы. Однако в 60-х гг. XX в. эта работа была приостановлена и не доведена до конца. Перестройка и связанные с ней процессы демократизации, гласности, начиная с 1985 г., потребовали восстановления исторической правды и справедливости, ясности и четкости в политических оценках событий прошлого, выполнения нравственного долга перед памятью старших поколений, униженных, оскорбленных.

Комиссия ЦК КПСС создает комиссию под председательством М.С. Соломенцева для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями 30 — 40-х и начала 50-х гг. XX в. (Постановление от 28 сентября 1987 г.). В её компетенцию входило «увековечение памяти жертв политических репрессий»¹. Исполнительным комитетам на местах